

На высотах познания одиноко и холодно... В этих пределах оледенелого времени нет звука. Это царство вечного Молчания.

Каменное лицо с плотно замкнутыми веками выходит из хаоса... Эти глаза еще *никогда* не раскрывались... Если они раскроются, то загорится земной свет и формы лягут в привычные чувствам грани.

В этом мире солнце перестало быть источником света... Здесь светится все, из чего исходит жизнь: книга освещает лицо девушки, лучится одежда пророка, бросая споны пламени, пролетает комета, мерцают морские звезды в подводных глубинах. Только одно солнце иногда восходит в этом мире — это черное солнце отчаяния⁷ — *le Soleil noir de la Melancolie*.

Свет промелькнул перед тьмою
и пред ужасом бежал...

Иногда Рэдон бросает слова к подножью своих рисунков. Но тогда слова, сказанные чужими устами, ожидают и светятся новым смыслом.

В пастелях Рэдона хаос развертывается в своих красочных гармониях. Ужас времени кричит синими голосами; ультрафиолетовые полыньи на черном властно затягивают в глубины мистицизма.

Ультрафиолетовые лучи, помещаясь на границе видимого спектра, служат противоположно-дополнительными желтому цвету дня. Фиолетовый цвет всегда был цветом мистики и веры. Готические vitraux^{*} все основаны на комбинациях фиолетовых. Возрождение и последующие века совершенно не знали лиловых гармоний.

Это любимый цвет Рэдона. В нем успокоенные мерцания Тайны.

Мы на границах Прозрения...
Или Воспоминания...

На высотах Познания одиноко и холодно...

КАРРИЕР

Самым крупным событием этого художественного сезона была смерть Карриера.¹

Обычно приходилось видеть его вещи рядом с другими картинами, беспорядочно перемешанными с яркими красочными пятнами,² и только теперь, когда входишь в его залу,³ стены которой струятся длинными волокнами осенних дымов, только теперь охватывает бесконечная грусть того сумрачного и смутного мира видений, в котором жил Карриер.

В нем нет ничего законченного, ни одной определенной линии — одни световые волокна, кругообразные вихри, точно звезды туманности, из которых слагаются человеческие лица и фигуры.

Карриер остается в истории человеческого духа как создатель «святого семейства» человечества.⁴

* Витражи (франц.).

Его «*Maternité*»⁵ создали ту окончательную форму выражения для жеста матери к своему ребенку, которую не может обойти ни один художник, спустившийся в эту область сердца.

«Обесцвеченный Веласкез» назвали его Гонкуры.⁶

Редкое сравнение так освещает художника изнутри.

Обесцвеченные пустыни Эскуриала⁷ и дымные вуали Карриера однаково уединяют и обособливают человеческое лицо.

Парадоксальность судьбы: Карриер, один из величайших колористов, не различал цветов.⁸

Он видел только колебания холодных и теплых тонов.

«Разве природа окрашена?» — говорил он с удивлением своим ученикам, рассматривая их этюды.

От рождения он был слеп к цветам.

«Будь слеп, как Гомер, или глух, как Бетховен...».

В небольших пространствах узкой комнаты взгляд его пронизывал междузвездные пустыни, отделяющие один предмет от другого, соседнее человеческое лицо от глаза художника.

Для Карриера человеческое лицо — это мерцание соседней планеты, недостижимой, неведомой. Это звездная пыль Млечного пути, это вихри еще не уплотнившейся мировой туманности.

Все мы сложными концентрическими кругами движемся один около другого, но никакая сила любви и притяжения не может преодолеть центробежную силу, поддерживающую наши орбиты.

Каждое лицо для Карриера бесконечно близко, желанно, недостижимо, как родное лицо земли, видимое из морозной глубины лунного кратера.

Карриер бессознательно стал поэтом междузвездных пространств, — и его трагедия — трагедия неодолимого пространства.

Из всех человеческих жестов он видел, понял и унес с собою только один жест: жест матери к своему ребенку.

Безнадежный поцелуй матери к ребенку. Безнадежный потому, что в нем уже предчувствуется неизбежность разлуки: это последнее соприкосновение звездной туманности с новообразовавшимся сгустком материи. Еще одно мгновение, и он отправится навсегда и начнет свой одинокий бег в холодных пространствах мира...

Поэтому нет художника в Европе, перед картинами которого охватывало бы такое чувство одиночества и грустной покорности, как перед полотнами Карриера.

Его портреты — Додэ, Гонкуров, Верлэна, Рошфора⁹ — таковы, точно это взгляд в наш век из какого-то далекого будущего века.

Это не лица живых людей, которых мы привыкли видеть в гостиных, в театрах, в кафе...

Это грустные лики привидений.

Одиссей, спустившись в Аид, такими видел тени близких ему при жизни героев.